

разговор перед вернисажем

Из рукописи «Воспоминания главного редактора». К 100-летию со дня рождения Г.Г. Нисского

Весна 1967 года затянулась. Холодный ветер гонит по перрону бумажки и мокрый снег. Поеживаясь, стою у вагона поезда «Москва – Киров», поджидаю Нисского. Договорились ехать на открытие зональной выставки «Советский Север» в одном купе. А вот и прославленный мастер. Распахнутый плащ открывает красный свитер, обтягивающий могучую грудь.

Погрузились. Вытащили домашние припасы. Приступили к ужину. Мягкий вагон слегка покачивается. Позвякивают стаканы, шевелятся бутерброды, отыскивая на тарелке удобные места. – Ну, редактор, что обо мне говорят сегодня? – Поутихло. Прошло время, когда вы своей статьей «Поиски формы» переполошили Академию. Константин Лебедев, защищая честь института, объявил статью Нисского призывом к безыдейности, ревизией принципов соцреализма. Георгий Григорьевич откинулся на спинку дивана, рассмеялся:

– А на общем собрании раздавались голоса: выгнать меня из Академии, исключить из Союза художников как хулигана. Я и сегодня вижу задачу изобразительного искусства в том, чтобы создавать и дарить людям новые формы! – В вашей статье говорилось и о признаках современного стиля в искусстве, – это, в первую очередь, лаконичность и повышенная экспрессивность.

– Я не один раз писал, и в этой статье снова вернулся к проблеме широкого показа в Третьяковке всего спектра русского искусства: и Петрова-Водкина, и раннего Кончаловского, и Фалька, и других мастеров, задвинутых в подвалы запасников. На этих показах мы увидели бы, что и лаконизм, и экспрессия, и декоративизм и отвергаемый Академией импрессионизм – это не уход от реализма, а его развитие!

– А сами вы придерживаетесь своей формулы «лаконичность, экспрессивность»?

– Я не придумал ее, она выработана самой практикой. Я увлечен современной техникой, скоростями.

– Известно, Нисский, Дядя Жора – знаменитый капитан-яхтсмен!

– Когда едешь в машине, идешь на яхте, видишь широкие плоскости земли, леса, неба, кварталы города... Скорость движения обобщает и форму, и цветовые отношения, они – без нюансов. Сегодняшние пейзажисты в основном идут по следам Левитана, повторяя его мотивы. Играть по готовым нотам – дело музыкантов-исполнителей. А подлинный художник – сочинитель, изобрета-

тель, фантазер, а не певец по готовенькому.

– Вам не нравится Левитан?

– Когда я шел на яхте по Волге, особенно у Плеска, без усталости любовался пейзажами, через который Великий Левитан выразил и красоту России, и российскую вечную тоску по лучшей жизни.

– Я читал вашу «Автобиографию», изданную в 1937 году. Там вы сказали, что пейзаж Левитана лиричен, но он вчерашний. Березки остались, только у вас с семафором больше интимности, чем с березкой. Паровоз для вас выразительнее и современнее, чем левитановские копны. И линкоры на рейде на свинцовой чешуе моря можно написать с настроением, как и «Над вечным покоем».

– Так я думаю и сегодня...

За окном вагона черным-черно. Нисский неотрывно смотрит в непроглядную темень. Стаканы звенят, ударяясь о пустую бутылку. Пора спать.

Сон не идет. Вспоминаю недавнее посещение мастерской Нисского. Этулов – кот наплакал. Хозяин показал дорожные альбомчики. В них контуры дорог, лесов, зданий, облаков с короткими записями цветов. «Чтобы вспомнить», пояснил художник. – Раньше писал с натуры, но никогда этюд не входил в картину. Она – чистое изобретение.

Наверное, «дядя Жора» не всегда прав. На выставках 1950-х годов впервые появились его картины, навеянные впечатлениями во время пребывания в Доме творчества «Сенеж» – «Полустанок», «Сортировочная», «Воскресенье на «Сенеже», «Станция Подсолнечная», «Синий паровоз» – сюжеты хорошо знакомые всем, кто там побывал. Довольно точное расположение станционных строений, их легкая узнаваемость.

Слышу, Нисский вздыхает, тяжело поворачивается, явно не спит.

– Георгий Григорьевич, извините, вроде вы тоже еще не заснули... Серию холстов на сенежские темы писали с этюдов?

– Какой черт заставит меня зимой на морозе стоять с этюдником? Все по наброскам в блокноте. Главное в этих набросках – не срисовывать, а определять выразительные моменты и сразу же компоновать.

– Кто из художников для вас самый авторитетный?

– Пуссен. У него надо учиться строгой четкости композиции, монументальности образов, мифологических героев, и современного для его времени пейзажа...

Г. НИССКИЙ. Перед Москвой. Февраль. 1956. Холст, масло

Не спится... Вспоминаю персональные выставки Нисского. Когда работы разных десятилетий оказываются рядом, неизбежно обнаруживаешь в них что-то общее. Первое, что запомнилось у Нисского – чрезвычайно устойчивые композиционные структуры. Их организуют – почти всегда – строгие вертикали, идущие параллельно краям изображений – «Осень. Семафоры», «Под Москвой», «Шлюз», «Сентябрь», «Выход в море», «Подмосковная рокада», «Вечер в порту», «Бакенщик», «Вечер на канале»... Чаще всего вертикали – это изображения мачт, яхт, сосен, динамично срезанных углов зданий. Вертикали вносят в композиции устойчивость, статичность, уносят взор зрителя в бесконечность. И еще «динамичные срезы» переднего плана. Впервые это заметила критика, оценивая выставку «XV лет РККА», особо выделив полотно Нисского «Встреча советского и иностранного флотов». Этот композиционный прием стал типичным и прослеживается по многим полотнам мастера – «Яхта», «Балаклава», «Вечер в Севастополе», «Владивосток», «Подводная лодка», «Клязьминское водохранилище», «Ленинград».

Как часто наши пейзажисты, даже прославленные, не знают, что делать с первым планом. У Нисского он начинает главный ритм, определяя всю динамику композиции, втягивая зрителя в глубину картинного пространства, – «Подмосковная зима», «Придорожная береза», «Околица», «По Латвии»...

Нисский видит в природе ее единство с творениями рук человеческих, радуется симфонии дружбы и торжественно воспекает ее. Ах, как жаль, что понимание современности сегодня чаще всего подменяется плачем по кривобокому избу или дачным любованием укромных местечек.

Нисский, даже изображая величие древней архитектуры – «Коломенское», «Церковь Покрова на Нерли», – не впадает в сентиментальное умиление, а видит прошлое как образ возвышенного, живущего вместе с нами. И поэтому в небе над храмом Вознесения возносятся реактивные самолеты, а на берегу Нерли остановился автомобиль. И все это художественно обосновано, складывается в целостный образ сегодняшних дней...

Проснулись поздно. Нисский допил стакан портвейна. К сожалению без этой регулярной добавки он не обходится.

Достаю домашние заготовки. Завтракаем. – Вечером вы сказали, что паровоз вам ближе, чем береза. Как это понимать?

– Мы любим то, на чем воспитаны, – я не помню, кто это сказал, но очень точно определил пристрастие человека на всю его жизнь. В детстве мое самое сильное впечатление произвел на меня паровоз и тянущиеся за ним вагоны. Составы убегали в какую-то загадочную даль.

продолжение на стр. 8

разговор перед вернисажем

окончание (начало на стр. 5)

– Рельсы, бегущие к горизонту, на ваших картинах – из детства?
– Конечно! Лет в четырнадцать сосед-машинист, как поощрение за мое усердие шуровать топку и смазывать колеса, позволял взяться за регулятор. Вскоре я помогал ему производить сцепки и расцепки вагонов. Главная мечта детства – стать машинистом. Потом увлекся моделированием паровозов, пароходов с резиномоторами, парусных лодок... Во ВХУТЕМАСЕ познакомился с Дейнекой. Он втащил меня в спорт. На его рисунках я впервые увидел новую жизнь. Но сноровку волейболиста я постиг быстрее, чем рисунок и живопись. В мастерскую забегал, а жил – в спортзале. Я сильный, здоровый парень, и надо пар выпускать. А когда в 1928 году поехал в Новороссийск для сбора материала к дипломной работе, простор и романтика моря увлекли меня на всю жизнь! Писать как Айвазовский не умею и не хочу. Море не всегда синее, оно разное. Нужно видеть живую волну. Ее нельзя написать, живя на Масловке, любясь крышами.
– Паровоз, уходящие в даль рельсы, дороги, шоссе – все только из детства?
– Нет! Хочу передать современное ощущение пространства. Идешь на яхте – видишь не одинокие деревья, а лес. В его массиве – и цельность цвета и своя ритмика, то, что не могли видеть пейзажисты прошлого, даже путешествуя по воде.
– А что вам особенно хотелось выразить в картинах?
– Ощущение движения сегодняшнего дня. Левитан создал гениальное полотно «Владимирка». А нынче у нас работает канал «Москва-Волга», его строгие берега, архитектура – бесконечная тема нового. А дороги, даже идущие во Владимир, диктуют новое восприятие тех же берез, осин, дубов. Шоссе, рассекающее пространство – не-

скончаема тема для художника...

Нисский достал из чемодана бутылку, налил в стакан, отпил несколько глотков и мечтательно откинулся на спинку сидения:

– Вот вчера говорили мы о Левитане. Я преклоняюсь перед его гением. Но Левитан получал импульс от природы, а большинство сегодняшних пейзажистов питаются Левитаном. А вторичное это уже не искусство, а ремесло. Оно тоже востребовано, всего охотнее покупаются пейзажики... Суеетимся попасть в аванзалы выставки... А как сказал Пушкин:

*Служенье муж не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво...*

Какие бы величественные стихи написал Пушкин, будь он современником Гагарина? Велича-вые! Вот и пейзажи наши должны отражать величие современности. Во всяком случае – в этом моя программа!

Тусклый весенний день застилает горизонт. Погромыхая, поезд приближается к славному городу Кирову.

Серенькая толпа художников, прибывших на открытие зональной выставки «Советский Север – 2», рассыпалась по перрону. Нисского подхватили под белы ручки и затолкали в черную обкомовскую «Волгу». Прибыв в гостиницу, я увидел необычную сцену. Нисский махал мощной рукой перед носом какого-то мужчины и громко повторял: «Я сказал – не пойду!» Увидев меня, ткнул пальцем и процедил: «Вот с ним хочу в одном номере. Мне ваш люкс не нужен!»

Пришлось исправлять составленное расписание: поместить меня в «двухместную камеру», мой одноместный кому-то отдать, а «люкс» так и остался пустым.

После обеда Нисскому подали «Волгу», он взял меня в машину, и мы поехали в деревню Дымково. Полая вода сходилла медленно, машина застряла на околице, и по жидкой грязи мы двинулись к дому мастерицы, у которой Нисский когда-то покупал игрушки.

Густой черный кисель засасывает ноги, мы жмемся к домам, к кривым палисадникам. Грязь добралась уже до колен. Вдруг Нисский падает и, вытянув руку, зовет:

– Ольга Иван-на, это я!..

Старушка подошла, сердито посмотрела.

– Ежели дурак, пошел вон! Ежели пьяный – vedi в дом!

Чтобы не испачкать пестрые половики, Ольга Ивановна – знаменитая мастерица дымковских игрушек – набросала газет. По ним добрались до стола. Вскоре появился чугунок с горячей картошкой, огурцы, капуста, селедка с луком, бутылка самогона.

Ольга Ивановна Коновалова, крепенькая фигурой с чуть провисшими щеками, строго смотрит на живописца:

– Пьешь-то много?

– Бывает...

– А обещал прекратить!..

– Да ладно, покажите лучше, что делаете.

Мастерица откинула занавеску – на нескольких полках рядами стояли расписанные бабы с младенцами на руках, нарядные кавалеры, лошадки...

Разговор повился ручейком, касаясь не очень сладкого деревенского житья-бытья. Игрушки на полке – это заказ к Международному фестивалю. Аванс получен, а как дальше дело повернется с дымковским ремеслом – не ясно. Коновалова просит разузнать о делах прикладников в Москве и отписать на деревню.

За окном раздался треск моторов, и я вышел поглядеть. Трактор подтащил черную «Волгу» к дому, толпа сельчан сгрудилась у крыльца, но никто не решается заглянуть в избу. Обкомовская машина – это неспроста.

Жители дождались нашего выхода. Впереди – Ольга Ивановна. За ней Нисский с подарком – метровой глиняной «куклой», как сказала мастерица, слепленной еще в 1920-е годы. Замышкаю шествие я с коробками вятских распис-

ных. Часть мы закупили, часть – подарки от художницы столичным знакомым.

Перед вернисажем зональной выставки мы обошли ее залы. Всего несколько работ из тысячи привлекли внимание Нисского. Мрачно вглядывался он в бесконечные «Тропинки», «Дали», «Осени», «Зимы», пытаюсь найти в них приметы дня сегодняшнего. Нисский процедил: «Видят все сквозь чужие очки...»

За общественным ужином Георгию Григорьевичу вручили приглашение принять участие в церемонии открытия выставки на площади. Место его в числе почетных гостей – на трибуне.

– Пойду в тельняшке! Я капитан яхты! – заявил Нисский, видя, как я утром цепляю галстук.

– Вы академик, лауреат, народный художник, поэтому не имеете права позорить Москву. Оденьте рубашку, белую.

На трибуне, стоящей у края площади, протиснувшись в первый ряд, Нисский появился в белой рубашке и... красных подтяжках. Отыскав меня глазами в числе стоящих в первом ряду, подмигнул и приветливо помахал рукой.

Грянул военный оркестр, и торжество открытия началось... Возвращались в Москву мы в разных вагонах, «согласно выданным билетам». Нисского я видел несколько раз на выставках. Но разговор на людях не клеился.

Последний раз я встретился с Георгием Григорьевичем на берегу канала «Москва-Волга» у Ленинградского моста. Там и сегодня стоит высокое здание из стекла – Пансионат для одиноких больных знаменитостей. В комнате № 254 Нисский сидел, неотрывно вглядываясь в окно. По каналу мчались «ракеты», чинно шли бело-голубые прогулочные корабли, дымили жуки-буксир, тянулись грязные баржи. Нисский меня не узнал. Старый мастер разочарованно посмотрел на стол... Перед посещением меня предупредили: «Кроме цветов – ничего не приносить...»

Юрий Нехорошев